

Знойко Николай Дмитриевич

**Последние дни Западной Римской
империи**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Дмитриевич З.**
Последние дни Западной Римской империи / Знойко Николай Дмитриевич – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 152 с.

ISBN 978-5-519-86279-0

ISBN 978-5-519-86279-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Общій видъ историческаго міра въ эпоху распаденія Западной Римекой имперіи.

Петровъ М. — „Лекція по всемірной исторіи“, т. II.

Карта древняго историческаго міра, т. е. бассейна Средиземнаго моря, въ концѣ V в. или въ эпоху распаденія Зап. Рим. имперіи представляется въ слѣдующемъ видѣ:

1) Весь почти западъ и юго-западъ Европы занятъ различными племенами, утвердившимися здѣсь въ теченіе V в. Такъ, на самомъ крайнемъ юго-западѣ, — въ древней Лузитаніи, нынѣшней Португаліи, поселились съ этого столѣтія *свевы*, а на самомъ крайнемъ западѣ, т. е. въ древней Британіи, особенно по всему ея восточному берегу, до горъ Каледонскихъ на сѣверѣ острова, *англо-саксы*, основавшіе здѣсь съ половины V вѣка семь небольшихъ государствъ, извѣстныхъ подъ именемъ англосаксонской *септархій*. Далѣе, мы видимъ, что вся нынѣшняя Испанія, или древняя Иберія, и юго-западная часть Франціи, или древней Галліи, до Дуары занята племенемъ *вестъ-готовъ*, утвердившихся здѣсь вскорѣ послѣ смерти Алариха, подъ предводительствомъ племянника его Атаульфа, или Адольфа, между тѣмъ какъ юго-восточная часть Галліи, и особенно Ронская долина, досталась около того же времени другому германскому племени, *бургундамъ*. Къ сѣверо-востоку же отъ вестъ-готовъ и бургундовъ, занимая сѣверную часть нынѣшней Франціи, всю теперешнюю Бельгію и сѣверо-западную Германію почти до Везера, живутъ *франки*, основавшіе въ этихъ мѣстахъ въ 486 г., подъ предводительствомъ племенного вождя своего Хлодвига, сильное государство. Рейнъ, прорѣзывающій эту область въ сѣверо-западномъ направленіи, раздѣлялъ ихъ на двѣ племенные группы: франковъ *салическихъ* — по лѣвой сторонѣ этой рѣки, и *рипуарскихъ* — по правой. Остальная затѣмъ часть теперешней Германіи по Везеру до самой Эльбы, а равно и нынѣшняя Данія, или древній Кимврійскій полуостровъ, заняты *фризами* по морскому берегу, *саксами* — по нижней Эльбѣ и *тюрингами* и *аллеманнами* — по верхней Эльбѣ и на истокахъ Дуная; между тѣмъ какъ *руны* и *лотбарды* заселяютъ верхнее теченіе этой послѣдней рѣки. Наконецъ, вся Италія съ Сициліею, древняя

Реція, Норикъ, Паннонія, Иллирія и южная Дакія, т. е., кромѣ Италіи, вся юго-восточная Германія и сѣверо-западная часть Балканскаго полуострова, находятся во власти *остъ-готовъ*, смѣнившихъ на Апеннинскомъ полуостровѣ кратковременное владычество Одоакра и основавшихъ въ этихъ мѣстахъ съ 493 г. обширную державу, подъ предводительствомъ племенного короля своего Теодориха, или Дитриха. Затѣмъ, въ нынѣшней Румыніи, составлявшей въ древности сѣверную Дакію, господствовало племя *гепидовъ*. А если мы присоединимъ еще сюда *вандаловъ* на сѣверо-западномъ берегу Африки, т. е. на земляхъ древней Мавретаніи, Нумидіи и Карфагена, перешедшихъ сюда съ 430 г. изъ южной Испаніи, подъ предводительствомъ Гензериха, и основавшихъ здѣсь государство, то и получимъ полную картину разселенія германскаго племени тотчасъ послѣ паденія имперіи на Западѣ.

2) Восточная Европа отъ Эльбы, далеко за Днѣпръ, занята *славянскими племенами*. На сѣверѣ, по балтійскому побережью, у сосѣднихъ германцевъ славяне извѣстны въ это время подъ именемъ *вендовъ*, а на югѣ, у подошвы и по среднему Дунаю, гдѣ они подчинены то остъ-готамъ, то гепидамъ, то Византіи и большею частью съ ними смѣшаны, начинаетъ проявляться уже и имя *славянъ*, какъ общее обозначеніе всего этого племени. Но государствъ славянскихъ еще нѣтъ: они являются позже.

3) Остальное затѣмъ побережье Средиземнаго моря—Греція, Эракія, Малая Азія, Сирія и Египетъ—составляютъ по-прежнему Восточную, или Византійскую имперію.

4) Наконецъ, древне-историческая Азія, не прилегающая къ Средиземному морю, — отъ Евфрата до Инда и отъ Персидскаго залива до Оксуса, находится вся почти во власти *персовъ* и составляетъ Ново-Персидскую державу.

За предѣлами этого міра видѣются уже одни только полудикіе или варварскіе народы разнаго происхожденія: кельтическіе *пикты* и *скотты* — въ нынѣшней Шотландіи, въ древности Каледоніи; *кельты* же попрежнему господствуютъ и въ Ирландіи, а также въ Валлисѣ и Корнваллисѣ. На полуостровахъ Скандинавскомъ и Датскомъ искони живутъ морскіе германскіе народы—*юты*, *юты*, *даннъ*, начиная мало по-малу обозначаться у своихъ континентальныхъ соплеменниковъ общимъ именемъ сѣверныхъ людей — *норманновъ*. Сѣверъ и сѣверо-востокъ Европы заняты малоизвѣстными *литовскими* и *финскими* племенами, а юго-востокъ ея — народами *тюркскою* и *скиѣскою* происхожденія. Между первыми — *болгары* по нижнему Дону и Волгѣ, а между вторыми—*аланы* въ области нынѣшняго Кавказа выдвигаются въ исторіи замѣтнѣе другихъ. Далѣе—сѣверную границу Персидской державы облегаютъ монгольскіе кочевники Турана; за Индомъ, далеко на

востокъ, простирается таинственная для древнихъ Индія; а на крайнемъ азіатскомъ востокѣ—чуть извѣстный только по имени,— Китай. Старинныя цивилизаціи обѣихъ послѣднихъ странъ стоятъ попрежнему особнякомъ, не сливаясь съ общимъ движеніемъ исторіи. Наконецъ, на югѣ замѣтнѣе другихъ становятся арабы, или сарацины.

Римская имперія до нашествія варваровъ.

Джемсъ Брайсъ, — *„Священная Римская имперія“*.

Вѣроятно, немногіе изъ тѣхъ, кто въ августѣ 1806 года прочелъ въ англійскихъ газетахъ объ объявленномъ на сеймѣ отреченіи императора Франца II отъ императорской короны, подумали о томъ, что древнѣйшее въ мірѣ политическое учрежденіе окончило свое существованіе. А, между тѣмъ, это было такъ. Имперія, упраздненная дипломатической потой, обнародованной на берегахъ Дуная, была та самая имперія, которую подъ утесами Акціума, въ борьбѣ съ силами Востока, завоевалъ хитрый племянникъ Юлія, которая въ продолженіе восемнадцати столѣтій, не смотря на всѣ измѣненія въ своемъ протяженіи, власти и характерѣ, сохраняла почти неизмѣнными права и притязанія, смыслъ которыхъ давно уже исчезъ. Ничто такъ непосредственно не связывало древній міръ съ новымъ, ничто не представляло столько странныхъ контрастовъ настоящаго и прошедшаго и не резюмировало въ этихъ контрастахъ столь много изъ европейской исторіи. Со времени Константина и далеко вглубь среднихъ вѣковъ она вмѣстѣ съ папствомъ являлась центромъ и главой христіанскаго міра и оказывала на умы людей такое вліяніе, какого никогда не имѣла ея матеріальная сила.

Тотъ тонъ напускнаго смиренія, которымъ была проникнута политика хитраго Августа и злобнаго лицемѣра Тиберія, мало по-малу былъ оставленъ ихъ преемниками, и деспотизмъ былъ признанъ правительственнымъ принципомъ Римской имперіи. Съ упадкомъ аристократіи, съ приниженіемъ остальнаго населенія, съ прекращеніемъ набора арміи изъ жителей Италіи, оказалось возможнымъ безнаказанно уничтожить и ту тѣнь свободы, какая еще оставалась. Провинціи никогда не знали республиканскихъ формъ, и тотъ характеръ, съ которымъ съ самаго начала появилась здѣсь имперская администрація, вскорѣ сообщился въ значительной степени и администраціи столичной. Первые императоры маскировали свое верховенство тѣмъ, что дѣлали рабочіи сенатъ орудіемъ своихъ, самыхъ жестокихъ и произвольныхъ актовъ. Съ теченіемъ времени и этотъ покровъ былъ снятъ, и въ вѣкъ Септимія Севера императоръ являлся для всего римскаго

міра єдинственнымъ центромъ и источникомъ власти и всякой политической дѣятельности. Званіе генерала, которое носилъ правитель имперіи, зависимость императора отъ арміи, въ одно и то же время источника и опоры всякой власти, и генераль-губернаторскія функціи намістника императора въ провинціяхъ, все это указывало на то, что Римское государство продолжало сохранять военный характеръ. Но такъ какъ императоръ соединялъ въ себѣ всѣ правительственныя функціи, то его суверенитетъ былъ столько же гражданскимъ, сколько и военнымъ. Законы исходили отъ него, всѣ сановники дѣйствовали по его порученію; священный характеръ его особы граничилъ съ божественностью. Это усиленіе концентраціи власти обусловливалось потребностями защиты границъ государства, потому что внутри государства было больше упадка, чѣмъ недовольства. Не много отрядовъ находилось внутри страны, не много здѣсь было крѣпостей, которыя бы задерживали движеніе армій во время междоусобій, посадившихъ на тронъ Веспасіана и Севера. Отдаленный шумъ войны на берегахъ Рейна или Евфрата едва-ли былъ слышенъ (да къ нему и не прислушивались) среди глубокаго покоя, царствовавшего на берегахъ Средиземнаго моря, гдѣ вмѣстѣ съ пиратами исчезли и флоты. Никакія племенные или религіозныя распри не нарушали этого спокойствія, потому что всѣ національныя различія мало по-малу потонули въ идеѣ общей для всѣхъ имперіи. Постепенное распространеніе римскаго гражданства черезъ посредство союпіае, дѣйствіе уравнинаго и уравнивающего римскаго права, равное давленіе правительственной системы на всѣхъ подданныхъ, движеніе населенія, благодаря промышленности и торговлѣ рабами, способствовали прочной ассимиляціи различныхъ племенъ, входившихъ въ составъ имперіи.

Императоры, въ большинствѣ случаевъ, сами уроженцы провинцій, не оказывали особаго покровительства Италіи и мало заботились объ умиротвореніи Рима: ихъ политика состояла въ томъ, чтобы сдѣлать для каждаго подданнаго открытой ту дорогу, которая ихъ самихъ привела къ величію; они составляли сенатъ изъ представителей самыхъ блестящихъ семействъ Галліи, Испаніи и Азіи. Эдиктъ, которымъ Каракалла распространилъ право римскаго гражданина на всѣхъ уроженцевъ римскаго міра, хотя и былъ вызванъ мотивами, ничего общаго съ доброжелательностью по отношенію къ нимъ не имѣвшими, въ концѣ концовъ оказался благодѣяніемъ. Уничтожая правовыя различія въ положеніи подданныхъ имперіи, онъ завершилъ дѣло, которое уже произвели торговля и литература и терпимость ко всѣмъ вѣрованіямъ, кромѣ одного: не коснулся онъ, можно сказать, только одной націи, которая продолжала сохранять національное чувство.

Благодаря своей религіи, іудей держался въ сторонѣ; но іудейскій народъ былъ уже разсѣянъ по всему міру.

Однако господствующее положеніе Рима едва-ли было поколеблено. Правда, его дѣйствительная власть была заключена въ узкія границы. Рѣдко когда его сенату и народу позволяли выбирать государя; еще рѣже могли они контролировать его политику; ни законъ, ни обычай не возвышали ихъ надъ остальными подданными и не надѣляли ихъ никакими преимуществами для удовлетворенія гражданскаго или военнаго честолюбія. Если нѣкогда Римъ пожертвовалъ своей свободой для того, чтобы сдѣлаться господиномъ надъ другими, то теперь онъ, побѣдитель, для того, чтобы быть универсальнымъ, спустился до уровня побѣжденныхъ. Но теперь жертва была вознаграждена: отъ него теперь исходили законы и языкъ, которые распространялись по всему міру; къ его ногамъ народы клали приношенія отъ своего труда; онъ былъ главою имперіи и цивилизаціи и богатствомъ, славою и блескомъ совершенно затмилъ какъ современные ему города, такъ и баснословную славу Вавилона и Персеполя.

Едва эти, медленно дѣйствовавшія, плѣнія произвели это единство, какъ ему начали угрожать другія вліянія. На границы имперіи стали нападать новые враги, а продолжительная борьба за власть, слѣдовавшая за смертью или низложеніемъ каждаго императора, свидѣтельствовали о расшатанности ея внутренняго строя. Въ періодъ анархіи, наступившей послѣ паденія Валеріана (253—260 г.), отдѣльныя арміи во всѣхъ частяхъ имперіи провозгласили императорами своихъ генераловъ, которые и управляли большими провинціями, какъ независимые монархи, не выказывая никакихъ вѣрноподданическихъ чувствъ по отношенію къ владѣтелю столицы. Основаніе королевствъ современной Европы могло бы произойти двумя столѣтіями раньше, будь варвары посмѣли и не явились въ лицѣ Діоклетіана, государя дѣятельнаго и политика, который, примѣняя къ измѣнившимся условіямъ новыя средства, сумѣлъ связать куски, на которые распалось цѣлое, въ тотъ моментъ, когда они еще не успѣли утратить силы сцѣпленія. Онъ раздробилъ верховную власть между четырьмя лицами и затѣмъ постарался сообщить ей искусственную силу, окруживъ ее восточной помпой, которая показалась бы смѣшной его первымъ предшественникамъ. Личность государя сдѣлалась болѣе священной и была отдалена отъ подданныхъ цѣлой арміей чиновниковъ. Константинъ пошелъ по тому же пути, расширивъ систему чиновъ и чиновниковъ, отдѣливъ гражданскую власть отъ военной, размѣстивъ вдоль границъ и по городамъ графовъ и герцоговъ, увеличивъ дворъ, сдѣлавъ болѣе строгимъ его этикетъ и сообщивъ придворнымъ должностямъ больше значенія, хотя въ

глазахъ римлянина должности эти сильно упали вслѣдствіе того, что носившіе ихъ служили болѣе государю, чѣмъ государству. Впервые корона сдѣлалась источникомъ почестей. Эти перемены принесли мало хорошаго. Бремя налоговъ, лежавшее на аристократіи, сдѣлалось еще болѣе тяжелымъ; населеніе уменьшилось; земледѣліе пришло въ упадокъ; рабство умножилось; становилось все болѣе и болѣе труднымъ набирать отряды изъ римлянъ и платить жалованье какимъ бы то ни было отрядамъ. Перенесеніе столицы въ Византію, если и продолжило жизнь одной части имперіи, зато потрясло всю имперію, сдѣлавъ неизбежнымъ отдѣленіе Востока отъ Запада. Кромѣ того, идея римской монархіи пріобрѣла болѣе универсальный характеръ. Поэтому бѣдствія, которымъ подвергался городъ Римъ, не могли уже оказывать вліянія на всю имперію. Когда раздѣленіе имперіи было подтверждено Валентиніаномъ I (364—375) и окончательно установилось послѣ смерти Феодосія († 395 г.) и центръ западнаго правительства былъ перенесенъ сначала въ Миланъ, а потомъ въ Ревенну, то это обстоятельство не уничтожило ни престижа Рима, ни идеи единой имперской національности, общей всѣмъ подданнымъ. Сирійцы, панионцы, бритты, испанцы все еще продолжали называть себя римлянами.

Національность эта начала теперь находить поддержку въ новой и живой силѣ,—христіанствѣ. Правда, императоры старались противодѣйствовать этой силѣ, какъ силѣ нелойальной и революціонной, не разъ напрягали всѣ свои средства, чтобы вырвать ее съ корнемъ. Но единство имперіи и легкость сообщенія между ея частями благопріятствовали распространенію христіанства; преслѣдованія, которымъ подвергалось христіанство, разсѣяли его сѣмена на еще большемъ пространствѣ, сообщили ему прочную организацію, дали ему мучениковъ-героевъ и исторію. Когда Константинъ провозгласилъ христіанство религіей имперіи, христіанство уже было великой политической силой, которая могла и желала отплатить ему за это помощью и покорностью. Но союзъ, заключенный Константиномъ съ христіанской партіей, не былъ простымъ коммерческимъ договоромъ, предполагающимъ полную свободу и строгую обдуманность дѣйствій сторонъ: но онъ былъ неизбеженъ. О злѣ и опасностяхъ, которыя были присущи явившейся въ результатъ его системѣ, еще не могли имѣть представленія; о томъ антогонизмѣ между Церковью и Государствомъ, который представляется намъ такимъ естественнымъ, тогда еще не было и понятія. У іудеевъ государство цѣликомъ покоилось на религіи; у римлянъ религія была составной частью политическаго строя, являлась дѣломъ болѣе національнаго, племеннаго или семейнаго чувства, чѣмъ чувства личнаго. Какъ у

израильтянъ, такъ и у римлянъ сліяніе религіознаго патріотизма съ гражданскимъ было гармоничнымъ и сообщало всему политическому организму силу и эластичность.

Такое полное единеніе было невозможно въ Римской имперіи, потому что новая вѣра имѣла уже свое собственное правительство въ лицѣ своихъ правителей и учителей. Вслѣдствіе этого церковная организація не могла быть тождественна съ гражданской; она сдѣлалась ея дополненіемъ. Внезапно вызванная изъ состоянія постоянного страха и униженія къ власти и вида, что, при всей ея неопытности, ей предстоитъ обширная и разнообразная сфера дѣятельности, Церковь принуждена была организоваться по образцу свѣтской администраціи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда ея собственныя средства оказывались недостаточными, какъ это было въ эпоху догматическихъ споровъ, волновавшихъ весь христіанскій міръ, она обращалась къ вышательству государя; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ она стремилась не слиться съ имперской системой, но воспроизвести ее для себя. И, какъ съ расширеніемъ имперіи исчезла независимость отдѣльныхъ округовъ, городовъ и племенъ, точно такъ же первоначальная свобода и различіе во мнѣніяхъ отдѣльныхъ христіанъ и мѣстныхъ церквей, и безъ того ограниченныя уже въ силу частой борьбы съ ересью, окончательно были поглощены идеей единой видимой вселенской Церкви съ однимъ вѣроученіемъ, съ однообразнымъ ритуаломъ, съ одинаковымъ повсюду отношеніемъ къ гражданской власти и съ постепенно усиливающимся олигархическимъ характеромъ управленія. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ, съ одной стороны, догматики, а съ другой—практическихъ нуждъ, создались іерархія патріарховъ, митрополитовъ и епископовъ съ ихъ юрисдикціей, еще по-преимуществу духовной, но опиравшейся на законы государства, съ ихъ провинціями и діоцезами, которыя обыкновенно совпадали съ административнымъ дѣленіемъ имперіи.

Пока еще патріархъ обладалъ только почетнымъ верховенствомъ, главою Церкви—насколько можно говорить о главѣ церкви въ примѣненіи къ этому времени, въ теоріи былъ самъ императоръ. Безспорное право вмѣшиваться въ религіозныя дѣла, которое ему принадлежало въ силу его сана Верховнаго Жреца (*Pontifex Maximus*), охотно за нимъ признавалось, и духовенство, проповѣдывавшее долгъ пассивнаго повиновенія теперь такъ же, какъ и во времена Нерона и Діоклетіана, съ большимъ удовольствіемъ видѣло, какъ онъ предсѣдательствовалъ на соборахъ, издавалъ эдикты противъ ереси и даже своими произвольными мѣрами свидѣтельствовалъ о своей ревности къ дѣлу преуспѣянія вѣры и искорененія языческихъ обрядовъ. Но, хотя тонъ церкви оставался попрежнему смиреннымъ, ея сила все

росла и росла, и не было недостатка въ данныхъ, предсказывавшихъ ей великую будущность. Сопровитвеніе и окончательное торжество Аѳанасія показали, что новое общество владѣтъ силой общественнаго мнѣнія, которая до этихъ поръ была неизвѣстна; униженіе, которому подвергся императоръ Феодосій передъ архі-епископомъ Амвросіемъ, обнаружило верховенство духовной власти. При расшатанности старыхъ учреждений, при безплодіи литературы и слабости искусства, жизнь и чувства народа все болѣе и болѣе сосредоточивались въ церкви, и когда въ пятомъ вѣкѣ горизонтъ заволокли грозныя тучи, тогда тѣ, кто съ отчаяніемъ или апатіей взирали на приближеніе неотразимыхъ враговъ, ушли искать успокоенія около алтарей религіи, которую даже эти враги почитали.

Но вотъ на что намъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе: эта церковная система, требуя болѣе строгаго однообразія въ вѣроученіи и организаціи, поддерживала и вновь пропагандировала чувство единства римскаго народа по всему міру. Границы христіанства и цивилизаціи совпадали съ границами Римской имперіи.

Общая картина римскаго общества предъ паденіемъ Западной Римской имперіи.

Мишле, — „*Histoire de France*“. Стасюлевичъ, — „*Исторія среднихъ вѣковъ*“, т. I.

Древнее общество, отличаясь многими отъ нашего, не умѣло возобновлять непрерывно богатства промышленностью. Постоянно потребляя, но не производя болѣе, послѣ того какъ промышленныя сословія были разорены рабствомъ, общество требовало все болѣе и болѣе отъ земли, а руки, которыми обрабатывалась эта земля, становились съ каждымъ днемъ рѣже и неспособнѣе. Нѣтъ ничего ужаснѣе картины Лактанція (пис. IV вѣка), изображающей эту смертельную борьбу между алчнымъ фискомъ и обезсиленнымъ народомъ, который могъ страдать, умирать, но не не платить. «Число сборщиковъ податей, говоритъ онъ, въ сравненіи съ тѣми, которые должны были платить столь чрезмѣрные налоги, сдѣлалось такъ велико, что у земледѣльцевъ не хватало силъ; поля обращались въ пустыни, и обработанныя земли покрывались дѣсами... Я не знаю, сколько должностей и чиновниковъ обрушивалось на каждую провинцію, на каждый городъ, подъ именами *Magistri Rationales*, намѣстники префектовъ. Всѣ эти люди пускаютъ въ ходъ одни приговоры, конфискаціи, насилія и насилія, не только часто повторяющіяся, но постоянныя и соединенныя съ невыносимыми оскорбленіями. Но всеобщее бѣдствіе, всеобщая пе-

чали послѣдовали только тогда, когда бичъ ценза проникъ въ провинціи и города; цензоры распространились повсюду и разорили все: вы сказали бы, что это нашествіе непріятелей, городъ, взятый штурмомъ. Поля измѣряли до послѣдняго клочка, считали деревья, корни винограда. Записывали число животныхъ, переписывали поголовно людей. Слышны были только бичи, крики мученій; мученіями выпытывали ложныя показанія у вѣрнаго раба противъ своего господина, у жены противъ мужа, у сына противъ отца; за недостаткомъ свидѣтельствъ, ихъ самихъ мучили для вынужденія показанія противъ самихъ себя, и когда они уступали, побѣждаемые болью, и тогда еще записывалось то, чего они не говорили. Не было снисхожденія ни къ старости, ни къ болѣзни; приносили больныхъ, дряхлыхъ; годился возрастъ всякаго; прибавляли лѣта дѣтямъ, уменьшали старикамъ; все было полно унынія и смущенія. И еще не удовлетворялись этими первыми агентами, посылали всегда другихъ, чтобы лучше разслѣдовать; и тягости всегда удваивались, потому что эти, не находя ничего, на всякій случай прибавляли, чтобы не показаться недѣтельными. Между тѣмъ, количество животныхъ уменьшалось, люди умирали, и тѣмъ не менѣе установлена была подать за мертвыхъ». На кого падало столько оскорбленій и притѣсненій, терпимыхъ людьми свободными? На рабовъ, на колоновъ или зависимыхъ хлѣбопашцевъ, положеніе которыхъ съ каждымъ днемъ приближалось къ рабству. На нихъ то владѣльцы вымещали всѣ оскорбленія и взятки, которыми ихъ отягощали императорскіе чиновники. Ихъ бѣдность и отчаяніе достигли высшей степени въ эпоху, картину которой рисуетъ Лактанцій. Тогда всѣ рабы Галліи взяли за оружіе, подъ именемъ багаудовъ. Въ короткое время они овладѣли всѣми селами, сожгли многіе города и произвели болѣе опустошеній, чѣмъ варвары.

Восшествіе на престолъ Константина и утвержденіе христіанства было эпохой радости и надежды. Рожденный въ Бретани, какъ и отецъ его, Констанцій Хлоръ, Константинъ былъ сынъ и питомецъ Бретани и Галліи. По смерти отца, онъ уменьшилъ число тѣхъ, которые платили поголовную подать въ Галліи, отъ двадцати пяти тысячъ до 18. Армія, съ которой онъ побѣдилъ Максенція, принадлежала большей частью этой послѣдней провинціи. Законы Константина,—законы руководителя партіи, который представляется имперіи, какъ освободитель и спаситель. «Подальше, восклицаетъ онъ, подальше отъ народа хищныя руки фискальныхъ чиновниковъ! Всѣ, пострадавшіе отъ ихъ грабительства, могутъ объявить то правителямъ провинцій. Если и эти будутъ потворствовать, мы дозволяемъ всѣмъ обращаться съ жалобами ко всякому графу (comes) провинціи или префекту преторіи,

если онъ находится въ сосѣдствѣ, для того, чтобы, узнавъ о такихъ грабительствахъ, мы могли искупить ихъ наказаніемъ, котораго они заслуживаютъ». Эти слова оживили имперію. Уже одинъ видъ торжествующаго креста успокаивалъ сердца. Этотъ знакъ всеобщаго равенства возбуждалъ неопредѣленную и неизмѣримую надежду. Всѣмъ казалось, что приближился конецъ бѣдствій. Между тѣмъ, христіанство нисколько не помогло матеріальнымъ бѣдствіямъ общества. Христіанскіе императоры, подобно своимъ предшественникамъ, не исцѣлили ихъ. Всѣ попытки, которыя были сдѣланы, доказывали только окончательное безсиліе закона. Въ самомъ дѣлѣ, что онъ могъ сдѣлать, вращаясь въ безвыходномъ кругу? Если онъ старался, страшась уменьшенія народонаселенія, облегчить участь колона, защитить его отъ владѣльца, тогда владѣлецъ кричалъ, что онъ не можетъ болѣе платить налоговъ; если онъ оставлялъ колона, предавалъ его владѣльцу, погружалъ его въ рабство, усиливался прикрѣпить къ землѣ—тогда несчастный колонъ умиралъ или убѣгалъ, и земля оставалась необработанною.

Со временъ Августа зло вызывало законы, которые всѣмъ жертвовали интересамъ населенія, даже нравственностью. Пертинаксъ ¹⁾ обеспечивалъ собственность и давалъ льготу отъ налоговъ на десять лѣтъ тѣмъ, которые займутъ пустопорожнія земли въ Италіи, провинціяхъ и у союзныхъ королей. Авреліанъ ²⁾ подражалъ ему. Пробъ ³⁾ былъ принужденъ переселить людей съ ихъ стадами изъ Германіи для обработки земли въ Галлію. Онъ приказалъ пересадить туда виноградныя лозы, уничтоженныя Домиціаномъ. Максиминъ и Констанцій Хлоръ переселяли франковъ и другихъ германцевъ въ пустыни Геннегау, Никардіи и Лангра, а между тѣмъ безлюдье увеличивалось въ городахъ и селахъ. Нѣкоторые граждане переставали платить налоги; поэтому тѣ, которые еще оставались, платили еще болѣе. Жадный и безжалостный фискъ пополнялъ дефицитъ на куріалахъ и городскомъ магистратѣ. Если кто хочетъ видѣть зрѣлище народной агоніи, тому стоитъ пробѣжать ужасный сводъ постановленій, которымъ имперія старалась удержать гражданина въ городѣ, давившемъ его и обрушившемся на него. Несчастные куріалы, одни имѣвшіе еще свои помѣстья при всеобщемъ обѣдненіи, называются невольниками и рабами общественнаго дѣла. Имъ предоставлена честь управлять городомъ, распредѣлять налоги по своему усмотрѣнію; но недостатокъ пополняется на ихъ счетъ. Они же имѣютъ счастье платить императору annis согонатиум. Они — высокопочтенный се-

¹⁾ Римскій императоръ († 193).

²⁾ Римскій императоръ (270—275).

³⁾ Римскій императоръ (276—282).